

Я никогда не найду слов для нас...

Первый шаг, который необходимо сделать:
осознать, что любовь — это искусство,
такое же, как искусство жить.

ЭРИХ ФРОММ
Искусство любить

Человек меньше всего похож на себя, когда
говорит от своего имени. Но дайте ему
маску, и он расскажет всю правду.

ОСКАР УАЙЛЬД
Критик как художник

Пролог

*Италия, берег Адриатического моря,
лето 1988 года*

— *Mamma! Guardami! Mamma!**

Женщина приподнимается с пляжного полотенца и снимает солнечные очки. Куда девался ее сын? Она замечает его, раздражается смехом и встает. Не обращая внимания на прикованные к ней взгляды, то завистливые, то ревнивые, то полные желаний, она, покачивая бедрами, идет к воде.

— *Лино! Sono qui!*** — кричит она в ответ и бурно машет ему.

Он жестикулирует, стоя на вершине утеса, и голова у него не кружится. Женщина аплодирует ему, она рада, что сыну весело. Нет ничего прекраснее его улыбки. Потом она подставляет очаровательное лицо палящему солнцу. Ароматы жары, природы, морской соли щекочут ей ноздри, она чувствует себя спокой-

* Мама! Посмотри на меня! Мама! (ит.) — Здесь и далее примечания переводчика.

** Я здесь! (ит.)

ной, красивой, соблазнительной; и она насытилась любовью. Два последних дня она провела в объятиях своего главного любовника. Превосходящего всех остальных. Ей не известно, в чем его тайна, но она не в состоянии надолго расстаться с ним. В глубине души она знает, что любит его, любит до безумия. Но никогда ему этого не скажет. Разве что если они попадут в рай. Но до этого у нее еще есть время, а сегодня она держится за свою независимость! Пока она дарила себя и принимала его дар, ей не приходилось беспокоиться о Лино. Вечером и днем он носится по узким улочкам под присмотром глаз, обожающих его и позволяющих ему беззаботно проживать детство.

— Элена, думаешь, разумно разрешать ему забираться так высоко?

Как и каждое лето, ее сестра-близнец с ними. Она подходит ближе и тоже шагает в воду.

— Хватит паниковать по любому поводу, Паолина! Лино плавает, как рыба, и ты знаешь, как он любит прыгать. Вот увидишь, скоро он прыгнет с еще большей высоты! Впереди у него следующая ступенька!

— Согласна, но Альбан не такой бойкий...

Элена чмокает сестру в щеку.

— Лино никогда не допустит, чтобы его брат подвергся опасности, и тебе это хорошо известно.

Паолина пожимает плечами, соглашаясь, но продолжает беспокоиться за своего сына. Она видит его и замечает, что у того вконец перепуганный вид. Элена понимает это, берет сестру под руку и увлекает к утесу.

— Пойдем взглянем поближе на *nostrì piccoli amori**! — выпевает она.

Паолина качает головой; ее забавляет привычка сестры вставлять в свои фразы итальянские слова. Вот уж кто родился не в той стране, где должен был. Близнецы шагают в ногу и подходят к импровизированной вышке для прыжков.

Лино замечает мать и невинно улыбается самой любимой на свете женщине, а потом посылает воздушный поцелуй, нахально подмигивает и склоняется в поклоне. Елена в восторге от озорства сына, от его любви к жизни. Он хочет, чтобы она им гордилась, хочет показать, что он сильный и самый смелый из всех. Поэтому он решает взобраться еще выше и карабкается на высший рядом утес. Он знает, что отсюда еще никто не прыгал. Во всяком случае, с тех пор, как он приехал сюда на каникулы.

— Не надо! — кричит ему стоящий ниже кузен Альбан. — Разобьешься!

Лино показывает ему язык.

— Я обязательно прыгну! Я буду лучшим! Не беспокойся за меня! Я справлюсь!

Собравшиеся вокруг дети подбадривают Лино, выкрикивая его имя. Он гордо поглядывает на них со своего высоченного постамент. Он всем покажет, на что способен.

Лино крестится, целует висящий на шее медальон Святого Марка и посылает матери последний победный взгляд.

* Наших любимых малышей (*ит.*).

А потом Лино прыгает. Взлетает в воздух, издавая звонкие крики, и с шумом разбивает поверхность моря, подняв снопы взметнувшейся воды. И бесконечно долго выплывает на поверхность. Елена единственная, кто не волнуется. На пляже царит тишина. Отдыхающие подбегают к кромке воды, готовясь спасти мальчика, которому стоило быть более благоразумным. Что до его матери... Ну и безответственность! Паолина в ужасе сжимает руку сестры. А Елена улыбается, и улыбка не сходит с ее лица. Она знает своего сына и доверяет ему. К тому же его защищает святой Марк.

Лино выплывает совсем рядом с ней. По пляжу разносятся аплодисменты. Он плывет быстрее, выходит на берег и бежит к матери. Прижимается к ее животу. Елена кричит от радости, ей плевать на то, что с него течет соленая вода, тем более что она приятно освежает. Она сжимает ладонями лицо сына и покрывает его поцелуями.

— *Ti amo, ti amo, ti amo!*

— *Anch'io mamma!**

Он теснее прижимается к ней, в восторге от тепла ее кожи, подставленной солнцу, ему придает уверенности аромат маминого тела — сладкий, пахнущий летом и каникулами. Мама радуется, она тоже развлекалась, а он мог делать что хочет и не беспокоиться за нее. Он был с Нонной** и Марией, маминими подругами, а ему ничего не стоит заморочить им голову и получить все, что ему надо. Он к этому привык. Так уже бывало во время карнавалов.

* — Я тебя люблю, люблю, люблю! — Я тебя тоже, мама! (*ит.*)

** *Nonna* по-итальянски — бабушка.

Потом он высвобождается из материнских объятий и упрямо возвращается к утесу.

— Альбан! Твоя очередь! — кричит он.

— Мне это не нравится! — говорит Паолина.

Лино бросается тетке на шею.

— Я могу прыгнуть вместе с ним, если хочешь! У него получится, вот увидишь! Зато потом он будет так рад!

— Но не с такой высоты, как ты, Лино, договорились?

Он кивает и сдерживается, не закатывает глаза.

Лино забегает в море, не заботясь о том, чтобы не обрызгать тех, кто рядом. Он босиком, но не обращает внимания на камни, царапающие ноги, и карабкается на утес к кузену.

— Давай, Альбан! Вот увидишь, как это классно, тебе сначала покажется, будто ты птица, а потом, что ты рыба.

— Я боюсь, Лино.

Тот впивается взглядом своих серых глаз в карие глаза брата.

— Мы прыгнем вдвоем! И не с самой большой высоты, я пообещал твоей маме. Я возьму тебя за руку, и все будет хорошо! Я тебя не отпущу, обещаю.

Глаза Альбана наполняются слезами, но он соглашается. У него нет выхода. Он не хочет выглядеть слабым в глазах других ребят, которые и без того редко с ним разговаривают и обращают внимание только на Лино. К тому же мама должна им гордиться: он знает, что она беспокоится за него и считает не таким сильным. Он должен последовать за братом и довериться ему — если тот говорит, что у него получится, значит, он это сделает.

Но как же ему страшно!

Лино хватает его за руку и тянет к краю утеса. Он играет бицепсами и выкрикивает несколько не подходящих ему по возрасту ругательств в адрес тех, кто осмелился насмехаться над Альбаном. Он угрожающе скалится, и мальчишки отводят глаза. Им хорошо известно, что не стоит провоцировать маленького француза, который реагирует похлеще любого итальянца, если речь идет о его кузене. В свои девять лет Лино уже успел поработать кулаками, защищая честь семьи. Неизвестно, кто научил его этим грубостям, но он на цветистом итальянском напоминает им, что никто не прыгал с такой высоты, как он, Лино, а половина не прыгала и оттуда, где сейчас стоит Альбан!

Тот изо всех сил цепляется за Лино.

Матери-близнецы пристально следят за ними с пляжа. Элена чувствует, что сестра дрожит, и обнимает ее за плечи.

— Не бойся, Лино знает, что делает. Лучше посмотри, какие они красивые!

Это правда, они и впрямь красивые в своих плавках. Но при этом совсем разные. Альбан щуплый и прячется от солнца, тогда как Лино загорелый и мускулы у него уже вырисовываются, поэтому он выглядит старше своих лет. Первый не решается ни поднять глаза, ни улыбнуться, а второй гордо впиивается взглядом в любого, кто посмотрит на него, и все время смеется. Один воспитанный, другой не заморачивается правилами вежливости.

— Смотри, как они любят друг друга! Нам удалось сделать из них родных братьев, — восклицает Элена.

— Даже близнецов, но таких же разных, как мы с тобой, — уточняет Паолина.

Элена прижимается виском к щеке сестры.

— Они никогда не расстанутся. Как и мы, они проживут жизнь вместе. А когда мы с тобой станем старушками и мужчины откажутся от нас, они наделают нам уйму внуков-близнецов!

Они обе хохочут, уверенные в будущем своих чад, после чего снова внимательно следят за сыновьями.

Лино тянет Альбана к краю. Тот все сильнее дрожит и изо всех сил тормозит кузена.

— Не хочу прыгать, — шепчет он.

— У тебя нет выбора! Ты же не трус! Мы прыгнем вместе! Ты по-любому должен двигаться за мной, ведь если ты будешь удерживать меня, я разобьюсь о камни.

— Ой нет! Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

— Тогда ты знаешь, что тебе делать!

Альбан кивает. Лино улыбается ему, и улыбка полна любви к мальчику, которого он считает родным братом.

— Раз, два, три!

В едином порыве они бросаются в пустоту. Лино изо всех сил сжимает руку Альбана. Он ни за что не отпустит ее, он обязан защитить брата и научить драться. Мальчики с криками рассекают воду. Лино открывает глаза и встречает взгляд кузена, который сперва смеется, а потом захлебывается. Лино как можно быстрее вытаскивает его на поверхность.

— Ты сделал это! — вопит он.

— У меня получилось! — Альбан бросается ему на шею.

Через несколько мгновений мальчики кидаются в объятия матерей. Элена поднимает Лино и кружит его в воздухе. Он смотрит на нее и улыбается, он счастлив, он не встречал никого красивее, чем она.

А мать Альбана поздравляет его и внимательно рассматривает, проверяя, не поранился ли он. Альбану стыдно, что она считает его маленьким. Однако он успокаивается, когда вспоминает, что у него тоже была минута славы, пусть и с помощью Лино. Впрочем, мать тут же напоминает ему об этом — отходит от сына и бросается к племяннику, чтобы нежно поцеловать его.

— Спасибо, Лино, Альбан сумел прыгнуть только благодаря тебе!

Никто не замечает — это нормально, на Альбана вообще никогда не обращают внимания, — как он яростно бьет ногой по песку. Он был бы рад что-нибудь сломать. Когда прекратят держать его за полное ничтожество?

— Нет! — злится на тетку Лино. — Альбан сам решил прыгнуть! А я прыгнул с ним, потому что захотел!

Он отрывается от Паолины, бежит к материнной сумке, роется в ней и достает кошелек. Вернувшись, он берет Альбана за плечи.

— Угощаю тебя мороженым! Ты — чемпион!

Он уводит кузена, который, как всегда, послушно идет за ним.

Сестры опять с восторгом смотрят вслед сыновьям.

Элена убеждена, что они всегда будут заботиться друг о друге.

Паолина более сдержанна...

Глава первая

*Париж, зима 2024 года
Ребекка*

Мои ладони на чистом листе бумаги дрожали. Я сжала кулаки, чтобы успокоиться. Будь храброй, ты справишься, постоянно повторяла я себе.

Я сделала глубокий вдох и приступила.

Эстебан!

С чего начать

Эстебан!

Когда ты прочитаешь это письмо?

Эстебан!

Я пытаюсь написать тебе

Эстебан!

Я не знаю

Эстебан!

Я смяла очередной лист и швырнула в корзину для бумаг. Он жалко приземлился рядом с ней. Меня обуяла злость. Мне не хватило сил, чтобы разломить ручку на две половинки. Она столько служила мне верой и правдой. Теперь она мне напоминала о той, кем я перестала быть, что я потеряла, кем я уж точно никогда не буду. Я прижала кулак ко рту, подавляя рыдание вместе с криком отчаяния. Я даже не в состоянии написать письмо мужу. Мне это запрещено, что ли? У меня не осталось слов, чтобы выразить свои мысли? всю жизнь мне трудно было высказать вслух свои заботы, потому что я не любила нарушать тишину. Когда я писала, мне удавалось прервать молчание. Слова написанные всегда давались мне легче, чем произнесенные. Но не сейчас. Меня терзало множество чувств. Во времена, для многих не столь отдаленные, но кажущиеся мне элементом прошлой жизни, я использовала слова, чтобы в какой-то мере избавиться от своих мучений, хоть отдавала себе отчет в том, что это всего лишь малая их часть.

Если задуматься, это ужасно, но, когда Эстебан объявил, что на два месяца уезжает по работе в Испанию, я втайне ожидала, что это сообщение вызовет у меня внутреннее землетрясение. Дни проходили, но в моей душе так ничего и не завибрировало. Я осталась такой же оцепеневшей, мой мозг был все так же парализован. Я бы хотела написать ему, рассказать обо всем, что чувствую. У меня перехватило дыхание, и я высо-

чила из кабинета. Зачем оставаться за столом, если удовольствие собой только усиливается?

Я бесцельно бродила по квартире, которая казалась мне холодной, унылой, такой же пустой и безжизненной, как я сама. В прихожей мне бросились в глаза чемоданы Эстебана. Они терпеливо ждали. Ну да, все так и есть: завтра в это время его уже не будет дома.

В том мире, которого больше не существовало, я бы поехала с ним. Мы могли спокойно оставить наших близнецов Фантину и Оскара. Они достаточно взрослые в свои восемнадцать, чтобы справляться самостоятельно и не устраивать нам проблем. Им, конечно, свойственна горячность юности, но нам удалось привить им чувство ответственности, хотя бы минимальное. Годами раньше мы бы мечтали остаться вдвоем, не заботясь о детях, пожить в Мадриде, гулять, как и положено влюбленным, ходить по музеям и ресторанам, изредка выезжая за город на выходные.

Сегодня такие планы выглядели бы фальшиво. Мы бы и там жили, как здесь, каждый по отдельности. Эстебан ехал в Испанию по работе. Его архитектурное бюро предложило ему на два месяца взять на себя руководство проектом. Как он мог отказаться? Он всегда скучал по родной стране, хоть никогда не обсуждал наш с детьми переезд насовсем. Эстебан не жаловался — он никогда не жаловался — и ограничивался короткими поездками и ежегодными двухнедельными каникулами в Испании. Так что он не мог упустить такую возможность, даже если она не должна была продлиться долго. Меня же ничто не держало в Париже. В определенном смысле я была свободной, как ветер, поскольку пустой внутри.

Впрочем, когда Эстебан сообщил мне, что принял предложение, никому из нас ни разу не пришло в голову, что мы могли бы поехать вместе. Он согласился, даже предварительно не поговорив со мной. Стечение обстоятельств, его работа, его происхождение подталкивали нас к давно назревшему решению о том, чтобы побыть на расстоянии друг от друга. Эстебану было необходимо продышаться, отодвинуться от меня. Я не обижалась, я его понимала. Я была уже не той, на ком он женился больше двадцати лет назад, и даже не той, что всего несколько лет назад. Я так же нуждалась в воздухе, как и он, и не выносила его огорченные взгляды, которые ловила. Он меня не узнавал, но и я его не узнавала, причем в еще большей степени. Он больше не был тем солнцем, которое сияло мне когда-то. Заблудившись в пути, мы погасили друг друга. И такое случилось не с нами первыми и не с нами последними.

Раннее детство Фантины и Оскара опрокинуло нас в настоящий водоворот. Мы стали родителями близнецов вскоре после нашей свадьбы и начала активной жизни... Все стартовало одновременно. Пока им не исполнилось три года, у нас не было ни одной ночи, которую мы бы проспали от начала до конца, мы постоянно куда-то спешили, поддерживаемые уверенностью в том, что счастливы. Я была психологом в клинике. Пока дети не родились, я, как и многие мои коллеги, набирала много работы по совместительству и бегала из одного места в другое. В конце концов я частично отказалась от этого, чтобы вести дом. Я не рассматривала свой шаг как жертву, напротив, была безумно счастлива, что могу заниматься ма-

лышами. Эстебан подменял меня, когда был свободен, чтобы дать мне передохнуть. Он добивался все больших успехов в своем архитектурном бюро, его карьера шла вверх, в отличие от моей, которая интересовала меня все меньше и меньше. Поэтому в свободное время ко мне стало чаще возвращаться желание сочинять. Как только у меня появлялась свободная минута, я погружалась в свои тетрадки, исписанные за время беременности — три ее четверти мне пришлось провести в постели. Безделье и страх потерять детей подтолкнули меня к этому занятию. В тот период это была потребность, даже необходимость, как если бы мои близнецы и я вместе с ними могли выжить только благодаря сочинению текстов. Я изгоняла свои страхи и печали на бумаге, фиксировала свою устремленность к счастью, к приливу адреналина, к мощным чувствам. Мне нравилось погружаться в мир, который я сама создавала, где я была и одновременно не была собой. Я рожала своих близнецов пять часов, но, чтобы родить свой первый роман, мне потребовались годы. Пришлось ждать, пока дети поступят в начальную школу, только тогда я почувствовала, что готова попытаться счастья. Будущее показало, что я была права. После многочисленных отказов моя рукопись попала на правильный стол.

И тут нас закружил новый водоворот. Эстебан сходил с ума от счастья и гордости за меня. Я тоже изо всех сил радовалась происходящему. Я получила признание, на которое никогда не рассчитывала, и пообещала себе, что сделаю все, чтобы это длилось как можно дольше. Мое время разбилось на две части: одну половину я отдавала детям, а другую посвящала